

О НЕБЛАГОПОЛУЧИИ В ОБЛАСТНИКОВЕДЕНИИ

Автор выделяет проблему неблагополучия в изучении областничества. При сравнении подлинников с публикациями в «Литературном наследстве Сибири» и собрания писем Г.Н. Потанина делаются выводы о недоброкачественной текстологии и иногда сознательной порче. Указывается на ошибки и неполноту библиографий. На основании высказываний Потанина анализируется различие между партикуляризмом, сепаратизмом, областничеством и между терминами «областнический» и «областной».

I. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ «МЕЛОЧИ»

Своеобразные итоги областниковедения – четыре тома «Литературного наследства Сибири» (1979–1986), пятитомник писем Г.Н. Потанина (1987–1992) и биобиблиографический справочник (2001) – более подтверждают мнение о запущенности проблем, чем опровергают. В 1990 г. на Первых Потанинских чтениях (Восточная и Западная Сибирь, Свердловск, Москва) автор настоящей статьи убедился, что с изучением областничества, жизни и творчества Потанина дело обстоит плохо. Вторые Потанинские чтения, прошедшие в Томске же в 1995 г., велись лишь на межвузовском уровне. Третья конференция так и не проводилась.

Четыре тома «Литературного наследства Сибири» составлены из произведений и писем Ядринцева и Потанина: кроме писем Ядринцева, четырех его работ и трех стихотворений, это перепечатки – в подавляющем большинстве без комментариев и подчас с обширным и болезненным купированием текста, иногда не указанным. О качестве публикаций можно судить по тому, как воспроизведены «Опыты биографии» Ядринцева – с искажениями, перелицовкой текста и под названием «Серафим Серафимович Шашков». Главный редактор серии – Н.Н. Яновский (при конкретном перечислении публикаторов не оговорено, кто дал наиболее испорченные материалы), он же член редколлегии пятитомника писем. Многие места в мемуарах и письмах, отмеченные как неразборчивые, при проверке по автографам оказываются удобочитаемыми.

Из конкретных примеров недобросовестности: в воспроизведенных воспоминаниях убрано якобы обшечное слово Ядринцева о том, что арестованные областники прибыли из Томска в Омск на «курвеске» (повозке с продольными скамьями), обывателей же ограждали не от «любви» [1. № 24. Л. 49, 59], но от «молвы» [2. Т. 5. С. 147], и в тюрьме Шашков «просидел дыру» не в «кровати» [3], а в собственной «кости» [2. Т. 6. С. 207; републикатор Н.Н. Яновский].

Перечень всех извращений текста в пятитомнике вырос бы в отдельный том. Видимость тщательной работы создается тем, что слова Потанина изымаются, а взамен предлагается конъектура с редакторскими скобками в самых неестественных местах и не там, где необходимо. Текст, подготовленный Я.Р. Кошелевым, подан не просто произвольно, а нарочито испорченным. Сравним:

а) В подлиннике: «...эпизод на борьбу бухарца Биджа, сидящего посредине Тарбагатая, и Тюлегуна, местного барона, эпизод с эпитафией из Пушкина о споре булата с золотом. “Тайжан” написал две главы...» [1. № 3. Л. 11 об.].

В издании: «...эпизод о борьбе бухарца Биджа, эпизод с эпитафией из Пушкина.

О споре булата с золотом “Тайжан” написал две главы...» [4. Т. 1. С. 88].

б) В издании: «У нас живет одна женщина с ребенком. Маленький ребенок лазит по нашим спинам и головам. Любит очень сорить (здесь удобрение зовут со-

ром. – *Прим. Потанина*) на спине моей жены, уморительно пьет молоко, живет в бураке под елочкой, которая поставлена нарочно в комнате, и зарывается в вату» [4. Т. 2. С. 118], – картинка: мальчик-идиот и благодушный Потанин.

В подлиннике: «У нас живет Птеромис, маленький ребенок летяги, лазит по нашим спинам...» – и т.д. [1. № 14. Л. 27 об.].

в) В подлиннике: «... в Тотье женщина вяжет чулки на продажу в Москву, в Вологде – кружевницы...» [1. № 5. Л. 16].

В издании вариант на тему «в огороде бузина»: «... в тюрьме женщина вяжет чулки на продажу в Москву, в Вологде – кружева...» [4. Т. 2. С. 61].

г) В подлиннике (испорченное курсивом): «Записка Безобразова рисует хлебный крах на Урале и в Тобольской губернии: когда сбыт хлеба и других сельскохозяйственных произведений из Шадринского, Курганского и Ишимского округа усилился, повезли масло, сало из края, ярмарки Кресты, Ишим, Ташта с сотен тысяч в два, три года выросли, крестьяне, у которых до того, вероятно, тоже хлеба стояли по 10 лет в клунях, обратили его в свиное сало, откармливая свиней. Неурожай, клуней, регулирующих цену на хлеб, уже не было...» [1. № 9. Л. 21 об.].

В издании («отсебятина» курсивом): «Записка Безобразова рисует хлебную торговлю в Камско-Уральском бассейне. Он пишет, что когда сбыт хлеба и других сельскохозяйственных произведений из Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов усиливается, тогда горнозаводское население Урала вполне обеспечивается продовольствием. Это и произошло в период, предшествующий обследованию. Клуней, регулирующих цену на хлеб, уже тогда не было...» [4. Т. 3. С. 147]. Извратив факты, публикатор заставил Потанина выражаться сухим слогом газетной статьи.

Везде – канцеляристка стилистическая правка, когда вместо «о» ставится «по поводу». Непрожеванная редакторская строка об Идыге, что «борется с сыном Марадьюм, вышибившим ему глаз» [4. Т. 3. С. 137], читается в подлиннике так: Идыге «борется с сыном, который и вышибает ему глаз. Отсюда и *Одиссей*, и *Один* одноглазый – и т.п.» [1. № 9. Л. 12 об.; выделено Потаниным], – но окончания нет: более компетентный в мифологии «ученый сосед» выкинул все остальное.

О правке «с точностью до наоборот»:

– в подлиннике: «...автор добросовестен, не сам измыслил мужицкий жаргон» [1. № 3. Л. 39]. В издании: «...автор добросовестен, он сам измыслил мужицкий жаргон» [4. Т. 1. С. 124];

– в подлиннике: «...ни разу еще не имела с ним свидания» [1. № 10. Л. 9]. В издании: «...только раз имела с ним свидание» [4. Т. 3. С. 189];

– в подлиннике: «...я писал не о подведении меня под манифест...» [1. № 2. Л. 15]. В издании: «...я писал о подведении меня под манифест...» [4. Т. 2. С. 79];

– в подлиннике: «...возвращения в столицы» [1. № 11. Л. 9]. В издании: «...возвращения из столицы...» [4. Т. 4. С. 265];

– в подлиннике: «...вещь понятная!» [1. № 4. Л. 27 об.]. В издании: «...вещь непонятная!» [4. Т. 2. С. 10].

Если напечатано: «монголов» [4. Т. 3. С. 93], читай-те: «китайцев» [1. № 8. Л. 4].

Если читаете, что «Мачтет снес Наумову свои заметки о Германии» [4. Т. 2. С. 167], то не стоит впадать в зряшные исследования, зачем они Н.Н. Наумову понадобились: Г.А. Мачтет их «снес Некрасову...» [1. № 7. Л. 9 об.]. Не надо узнавать, какой «Аркадий Наумович» хотел праздновать день рождения А.С. Грибоедова [4. Т. 4. С. 279], – это «Академи<я> Наук» [1. № 11. Л. 21]. Полицейский С.Э. Зволянский [4. Т. 4. С. 269] не причем там, где говорится о члене Госсовета А.И. Деспоте-Зеновиче [1. № 11. Л. 12 об.]. Вместо сообщения: «...в Томске уже есть газета Муромская...» [1. № 10. Л. 16], другое: «...в Томске уже будет газета Макушинская...» [4. Т. 3. С. 204].

Если отмечено: «Так в подлиннике» [4. Т. 2. С. 67], то в подлиннике все в порядке.

С извращениями прекрасно совмещается ханжеский пуризм. Знаменитый рассказ Щедрина из «Помпадуров и помпадурш» про Ямудию, очевидно, сочтен неприличным, и о Бийске-Ямудии выброшено [1. № 8. Л. 16; 4. Т. 3. С. 110]. И мы читаем:

– вместо: «Порты получены...» [1. № 4. Л. 24 об.] – «Посылки...» [4. Т. 2. С. 18];

– вместо: «...глажу себя по брюшку...» [1. № 14. Л. 24 об.] – «...по голове...» [4. Т. 2. С. 112];

– вместо: «...в этом кабаке...» [1. № 17. Л. 22] – «...в этом кстубе...» [4. Т. 2. С. 178];

– вместо «вони» [1. № 4. Л. 29] – «запахи» [4. Т. 2. С. 18];

– вместо «грубые» [1. № 17. Л. 23 об.] – «нечуткие» [4. Т. 2. С. 179].

В названии статьи «Дрова в Киргизской степи» вместо «дров» стоит «топливо» [4. Т. 5. С. 215; об этой библиографии см. ниже: составители А.Г. Грумм-Гржимайло, Л.А. Смольянинова].

Даже контекст вопиет об ошибке, но все равно взамен фразы «проектированные горы» [1. № 5. Л. 16 об.] у Я.Р. Кошелева возникают «проектированные годы» [4. Т. 2. С. 58], а вместо «...нет цветов не только в домах, даже и в огородах» [1. № 14. Л. 21] значится «...нет цветов не только в домах, даже и в городах» [4. Т. 2. С. 108; вырвано из текста и помещено в примечания].

В чем суть «возвышенного учения» Дж. Толенда [4. Т. 2. С. 11], не узнать, речь же идет «о Христе» [1. № 4. Л. 28 об.]. Неясно, отчего «искусству долго еще не явиться в Сибири» [4. Т. 2. С. 21], однако об этом следующая фраза: «Нет и задатков; мы не имеем святых патронов, мощей, домашних фетишей; не имеем предан<и>й...» [1. № 4. Л. 31]. Пролетарский подход до несносного глуп: вместо фразы «Маркса получил» [1. № 6. Л. 15 об.] появляется – «"Капитал" Маркса получил» [4. Т. 1. С. 166], а число табунов у инородца уменьшено вдвое: «Калмык 2 дючины Адженак Тюкпе имел 40 табунов лоша-

дей...» [1. № 10. Л. 13 об.] – «Калмык Адженак Тюкпе прежде имел 20 табунов...» [4. Т. 3. С. 159; в комментарии указано, что это копия, но это автограф]. Потанин пишет, что «в демократ<ических> частях империи, как, напри<м>ер, Север, Вятка, Урал (горный), Сибирь, нет еще своей областной прессы», а в остальных провинциях она «выходит такой безделушкой. вроде "Деревенск<о>й газеты" Н. Успенского...» [1. № 4. Л. 35–35 об.], и публикатор заменяет «демократ<ических>» на «некоторых», а упоминание о Н.В. Успенском изымает [4. Т. 2. С. 25].

Если он не знает, что за «письмо Витого» [1. № 14. Л. 16 об.; выделено Потаниным], то ставит – «письмо неизвестного...» [4. Т. 2. С. 103]. Вообще, многие неизвестные публикатору имена. вроде писателя и социолога В.В. Берви-Флеровского, изъяты, а кое-какие статьи впрямь неузнаваемы: вместо Карасева [1. № 7. Л. 36] – Караваев [4. Т. 3. С. 41]; вместо Бернета [1. № 6. Л. 7 об.] – Беннет [4. Т. 1. С. 161]; вместо Колмогорова и Москова [1. № 7. Л. 38 об.] – Холмогоров и Личков [4. Т. 3. С. 44], а далее Москов [1. № 7. Л. 46 об.] вовсе превратился в «мопса» [4. Т. 3. С. 58]; Андрей Прокопьевич Пичутин [1. № 6. Л. 20 об.] назван Семеном Прокофьевичем [4. Т. 1. С. 171]; Мефодий Васильевич Гилев [1. № 7. Л. 50] – Мефодием Алексеевичем [4. Т. 3. С. 63]; Надеин [1. № 7. Л. 11, 36 об.] – Кадлиным и Падлиным [4. Т. 2. С. 169; Т. 3. С. 42].

Из-за того что фамилия известного историка В.И. Вагина [1. № 7. Л. 8] прочлась как «Ваши», переделаны окончания глаголов и местоимений [4. Т. 2. С. 166]. Географическим названиям тоже не повезло.

Решением всех проблем здесь стало абсолютное изъятие фраз, страниц и аж 57 писем, которые оказались не включенными в собрание «по не зависящим от составителей и редакции обстоятельствам» [4. Т. 1. С. 7], объяснить которые невозможно.

Дагировку приходится проверять даже ту, что дана как якобы авторская.

Много ложных отсылок к архивным делам.

По мнению редколлегии пятитомника, работа Я.Р. Кошелева несет на себе печать «недобросовестности» [4. Т. 5. С. 8], а на наш взгляд – это не предусмотренные уголовным законодательством циничные фальсификации, равных коим в эдичионной практике российских издательств отнюдь не бывало и кои чрезвычайно подорвали доверие к тридцатилетнему труду иркутских историков. Особенно больно ставить под удар честь С.Ф. Ковалю, который решил восстановить справедливость, и автор данной статьи срочно исправил подлоги в 1–4-м томах, но столкнулся с вновь поверхностным отношением научной редакции, пожелавшей лишь самых необходимых поправок и не озабоченной аутентичностью текста; из этих необходимых в т. 5 включено лишь $\frac{2}{3}$ уточнений, опять-таки требующих дополнительного списка ошибок.

Очевидное пренебрежение к подготовке текста заметно и по письмам, которые готовил к печати не Я.Р. Кошелев. В издании: «Автор сидел в крепости за либеральную речь на панихиде по убитым в Казани; следовательно-поремщик дает совсем не тот смысл речи, какой хотел дать автор» [4. Т. 1. С. 61; публикатор С.Ф. Коваль]. Надо: «Автор этих стихов сидел в крепости за

либеральную речь на панихиде об убитых в Казани. Слово Тюремщик дает совсем не тот смысл речи, какой хотел Автор» [5. С. 182].

Соответственно, можно составить мнение и о комментариях: при искреннем уважении к исследованиям первопроходцев приходится констатировать коммунистически зашоренный взгляд на областничество, прочную зависимость от легенд, легко снимаемым по дотоле известным источникам, и длинный ряд фактических ошибок, коих могло не быть при внимательном чтении публикуемых писем.

Комментарий порой абсурден:

- к восточно-сибирским писателям предположительно причислен историк В.И. Семеvский [4. Т. 1. С. 43, 204; комментатор А.Г. Грумм-Гржимайло], петербуржец, который в указанном 1860 г. находился в двенадцатилетнем возрасте;

- неверно прочтенное имя Renan'a [5. С. 110] выросло в примечание о книге Kennan'a «Кочевая жизнь в Сибири...», и год ее выхода смещен с 1870-го к 1864-му [4. Т. 1. С. 73, 218; публикатор С.Ф. Коваль, комментатор А.Г. Грумм-Гржимайло], хотя в ту пору Дж. Кеннан был никому не известным телеграфистом;

- в 1859 г. при встрече Потанина с М.Н. Катковым писатель К.Н. Леонтьев, бывший в ту пору врачом в Нижегородской губернии, и сотрудник «Современника» П.А. Ефремов не присутствовали да и не могли быть «товарищами Бакунина» по берлинскому университету просто по малолетству [2. Т. 6. С. 106, 313; здесь и далее – комментатор Н.Н. Яновский]; имеются в виду журнальный помощник М.Н. Каткова П.М. Леонтьев и отец Петра Александровича Ефремова Александр Павлович, университетские профессора;

- при публикации письма Ядринцева от 20 октября 1860 г. из Петербурга в Томск, дабы Н.И. Наумов приехал-таки в столицу, утверждается, что в это время Н.И. Наумов учился в Петербургском университете [2. Т. 5. С. 230, 232];

- согласно предположительному пояснению, сибиряк «Кашкин», проходивший «в процессах 70-х годов», оказался калужанином петрашевцем Н.С. Кашкиным, в 1849 г. отправленным в армию на Кавказ [2. Т. 4. С. 324, 339]; Ядринцев же имел в виду П.М. Кошкина, шедшего по нечаевскому делу.

Нонсенс можно почерпнуть и из биобиблиографического справочника (авторы – восемь сотрудниц «универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина»):

- умерший в 1843 г. П.А. Словцов, А.П. Щапов и Н.И. Наумов были областниками;

- за участие в столичных студенческих волнениях 1861 г. «Потанин, Ядринцев, Шашков, Наумов и др. были высланы в Сибирь» [6. С. 5], а не уехали в разное время сами;

- Ядринцев «умер, приняв, по ошибке, большую дозу опиума», хотя тут же приведен источник неопровержимых данных о самоубийстве [6. С. 150, 179];

- областнические воззрения, в 1870-е гг. вполне сформировавшиеся и по сути антимарксистские, опирались на «отдельные положения марксистской социологии в меньшевистской интерпретации» [6. С. 4].

Как считает профессор кафедры истории и документоведения ТГУ, эта подборка «является результатом

скрупулезного изучения солидного количества библиографических указателей» и выражает «мнения, представленные в трудах специалистов» [7], из чего следует, что справочник ценен более всего тем, что в целом отображает авгиевы конюшни, под потолок замусоренные во время советской власти.

При выборке из прежде бывших и отнюдь не полных библиографий здесь (не будем голословными) пропущены десятки важных работ:

- у Шашкова «Амурский вопрос в 1861 году» (1862), «Общественно-психологические эподы» (1872), «Красоты обывательской журналистики» (1873), «Спасители отечества из Казани», «Литературный труд в России», «Борьба непогрешимого с погрешимым», «Развитие первобытной культуры» (1876), «Очерки первобытной жизни и мысли» (1877) и др.;

- у Ядринцева «Путешествие по полям российской журналистики» (1863), «Отмена ссылки в Сибирь», «В чем монополия столичной прессы» (1873), «Провинциальная журналистика и журнал «Дело»», «Будущность провинциальной печати» (1874), цикл «Деревенские картинки» (1875), «Забракованная страна» (1877), «Мнимые цивилизаторы Сибири» (1883), «Прошлое и будущее сибирской печати», «Первобытная музыка в связи с историей музыкальной идеи» (1885), «Идея мира о верованиях древних народов Азии», «Драма из жизни Ушаковского» (1887), «Вдоль да по Сибири», «Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума», «О культе медведя преимущественно у северных инородцев» (1890), «Культе собаки и почетное ее погребение», «Отношение к бедным и несчастным у первобытных народов» (1894) и др.;

- у Потанина «Заметки провинциального читателя» (1873), «Потребность печати в провинции» (1874), «Не-что о Хайдакове», «Местные интересы», «О двух статьях в № 10 «Дела»» (1875), «Блудный сын» (1878), «Поминки по Чингис-хану» (1885), «Восточные параллели к некоторым русским сказкам», «Ставр Годинович и Гэсэр», «Богдо-Гэсэр и славянская повесть о Вавилонском царстве», «Параллели из монгольских сказок к немецким средневековым поэмам о Вольфдитрихе, Гугдитрихе и Ортните», «Пилигрим в былинах и сказках» (1891), «Мария Лебедь Белая в былинах и сказках», «Дочь моря в степном эносе» (1892), «Тема об усеченной голове в орде», «Ордынские параллели к поэмам Ломбардского цикла» (1893), «Греческий эпос и ордынский фольклор», «Легенда об Ашоке и предание о Чингис-хане» (1894), «Саур Ванидович», «Акирь повести и Акирь легенды» (1895), «Восточно-ордынские параллели к кельтскому эпосу о чаше святого Грааля», «Арья-Бато, Аполлоний, Аполлинария, Аполлонище», «В юрте последнего киргизского царевича» (1896), «Община-область» (1901), «Сказка с двенадцатью персонажами» (1903), «Возрождение России и министерство народного просвещения» (1919) и др.

Безалаберно подготовленная библиография удивляет и незнанием того, что издано в Томске, где находится учреждение, одарившее областников своим компилятом. Тем более нельзя из него получить информацию, что важное издано в других городах.

Оговорим, что включенные в библиографию при пятитомнике писем Потанина повесть «Штатный смот-

ритель» (1871) и воспоминания о Н.А. Некрасове (1905) к Григорию Николаевичу отношения не имеют. «Записки о Кокандском ханстве» принадлежат его отцу, Николаю Ильичу (1856; перепечатка публикации 1831), «Выборы у казаков» (1864) и «Денежные средства Сибирского казачьего войска» (1866) – заметки омского есаула Ф.Н. Усова, «В чем еще нуждается Сибирь» (1873) – статья нижегородского регионалиста А.С. Гацинского, «Религиозная пляска в монастыре Кадигава» (1885) и «Гумбум, монастырь зонкавистов» (1886) работы жены Гр.Н., А.В. Потаниной, ею же сделан перевод статьи В. Роктиля (1893) [4. Т. 5. С. 215–219, 225, 228, 233]. De visu со всеми публикациями Потанина коллектив иркутских авторов явно не знакомился: один из характерных примеров: заметок Потанина «Слон в Сибири» и «Кабаны в Сибири» не существует, это главы статьи «Семья толстокожих» в одном и том же номере газеты. Томские библиографы, списав часть оши-

бок у иркутских, добавили свои, отметили, что известный роман Гавриила Никитича Потанина «Старое старится, молодое растет» (1861) «является первым в научной библиографии» Григория Николаевича, и включили в список его трудов воспоминания об И.А. Гончарове (1903) [6. С. 107–109, 116–117].

Серьезную озабоченность вызывает и то, что внимание обращено больше к историческим результатам, нежели к тому, на чем базировались областнические постулаты и как вызревали. В истории областничества 1860–70-х гг. продолжают хождение мифологемы, масса путаницы и «белых пятен»: так, в «Хронике областнического движения в Сибири» М.В. Шитовского вместо интереснейших 1872–1874 гг. зияет лакуна, а в это время издававшаяся «Камско-Волжская газета» – первый, уникальный поволжско-сибирский областнический орган печати – даже не упомянута, хотя география обзора тянется до Казани и Петербурга.

2. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

У крупнейшего идеолога областничества есть весьма любопытные характеристики его соратников. Говоря об общественной позиции В.И. Вагина и М.В. Загоскина, Г.Н. Потанин заявил, что «это был не сибирский патриотизм, а сибирский партикуляризм», не более чем «казанским партикуляристом» оказался и К.В. Лаврский [2. Т. 6. С. 158, 284]. Между тем, В.И. Вагин и М.В. Загоскин выпускали газету «Сибирь», где активно публиковали статьи областников и сами печатались в областническом «Восточном обозрении», а К.В. Лаврский был соредактором областнической «Камско-Волжской газеты» и яростно полемизировал с централистами, но Потанин на все это не вполне устраивало.

Вывод первый: поскольку в языковом обиходе XIX в. под словом «партикуляризм» понималось что-либо свое любимое и насколько человек сам себя «заузлит», то Потанин подразумевал здесь малую родину – *patria*, и это им воспринималось как нечто недостаточное, чтобы считаться областником.

Вывод второй, исходящий из первого: помимо «области» как территориальной единицы, этому термину Потанин придавал идеологическое значение и видел в настоящих областных вопросах «такие местные вопросы, которые заключают в себе однако ж интерес и для всех других областей...» [1. № 5. Л. 1 об.].

Ни Потанин, ни Ядринцев никогда не были патриотами какого-либо одного сибирского региона: все гляделось со своими достоинствами и недостатками, выражало местные нужды и было равновеликим. При всей пристрастности к Сибири областники оказались чрезвычайно внимательны к потребностям Русского Севера, Поволжья и т.д., применяли областническую модель развития к любой части России, и иркутский или казанский партикуляризм, ратующий прежде всего за свои частные интересы, смотрелся ущербным.

Конечно, следует переживать за исправность городского водопровода и за успех местной актрисы, но это легко нивелируется временем и отнюдь не принципиально для жизни региона в целом. Пусть местный патриотизм «дробится до общин, тем больше окажется жизни в обществе», – писал Потанин [4. Т. 1. С. 140], – однако, если эти общины, в узком патриотизме закос-

нев, станут себя обществу противопоставлять, то зашоренность партикуляризма угрожает обернуться крайней опасностью – сепаратизмом. Утверждая, что «в каждой области должен возникнуть свой контингент местного патриотизма <...> местный патриотизм – это великая культурная сила» [2. Т. 7. С. 257], Потанин подзревал в нем и вероятность самообособления и оттого упрекал уральских казаков за «чувство областного эгоизма» и даже явный сепаратизм в отношении к соседям [4. Т. 6. С. 151].

Г.И. Пелих сделала абсолютно верное заключение, что Потанин выделял три стадии общинного развития, воплощавшиеся в общине патриархальной, в общине-области и в общине-государстве [8]. Область как звено между собственно общиной и государством обладает более действенными средствами к пробуждению гражданской самостоятельности, ибо не может быть столь замкнутой, как сельская община и не требует специального бюрократического аппарата, который в силу капризов быстро становится чуждым своей земле.

Потанин опирался на положение Прудона о патриархальных общинах, которые смыкаются в естественные областные союзы, а те, в свою очередь, должны привести к созданию правового государства. Схожие образования уже возникли – швейцарские кантоны и американские штаты, и убежденный Герценом Прудон полагал, что Россия благодаря крестьянскому общинному устройству наиболее готова к осуществлению социалистического идеала.

Уже при зарождении областничества вероятность дробления державы почти снимается ввиду обоснованной Прудоном добровольности межобластного соглашения [5. С. 118], и относительно Сибири Потанин считал, что «русский народ заложил здесь основания для продолжения своей жизни» [9]. Разговоры Потанина о сепаратизме были всего лишь тактическими, и он никогда не упускал из виду идеи «противуположной – об единстве. Я употреблял сепаратизм не как цель, а как средство, чтоб <...> придать достоинство местному патриотизму...» [5. С. 222–223], и позже сокрушался о прежнем «неумении отделить две вещи: сепаратизм и любовь к родине; первая – идея преступная», и надо

стремиться к «скреплению связей Сибири с метрополией» [1. № 7. Л. 33]. Спустя полвека после следствия по делу об отделении Сибири от России Потанин уточнил, что стремящийся к разделу государства «политический сепаратизм не входит в программу областничества», хотя и согласился, что при опасных обстоятельствах оно «включает в себе сепаратизм не только культурный, но и политический», исходящий из защиты прав местного населения [2. Т. 6. С. 210]; Потанин заявил то, о чем уже писал в 1860-м: «... как бы центробежные ручьи русской жизни ни сделались многочисленны, как бы русские области в своем стремлении к самоопределению ни разошлись далеко одна от другой в своих культурных особенностях, — <...> мы один народ» [2. Т. 7. С. 258]. Сепаратистская тенденция в Сибири оказалась очень нестойкой даже во время гражданской войны и мотивировалась необходимостью отделиться лишь «от России советской — последней возможностью спасения великой национальной независимой России» [Бюллетень Совета уполномоченных организаций автономной Сибири. 1922. № 1. 10. С. 32].

Партикуляризм и сепаратизм возникали в защиту от посягательства пришлых элементов на местные интересы и неизбежно вели к замкнутому существованию в масштабах обломовского дивана, города или отрезка страны. В обоих случаях итог не соответствовал задачам областников, которые видели жизнь государства как единую ткань национально-культурных отношений и органичное согласие самобытных районов России, решающих собственные проблемы без насильственной столичной опеки. Потанин начисто исключал паллиативы областного опыта, отредактированного извне по текущим административным требованиям.

М.П. Головачев отметил, что «областничество есть прежде всего культурно-экономическое течение и потом уже политическая тенденция» [11. С. 23], — суждение во многом справедливое, ибо необходимым основанием государственного строительства должны были стать интересы этногеографических ареалов, своеобразных в социально-экономическом и культурном отношении. Сам Потанин по мере возможности избегал прямого участия в политических сварах, предпочитая заниматься наукой, и областники никогда не пытались создать собственную партию, числясь подчас в социалистах-революционерах или народных социалистах: областничество тяготело к союзам вне каких-либо цензов и по территориальному признаку.

Местные интересы ощущались как настоятельные для России в целом и наиболее действенные «здесь и сейчас», а провинциальная культура — как акт самосознания народа. Потанин считал необходимым, «чтоб в крае возникла своя печать, своя беллетристика, свой театр, свое искусство», ведь только так возможно понять «особенности местно-народного характера» [12]. «Я — заявлял он, — не иначе понимаю сближение с народом как постоянное участие в его жизни» [4. Т. 3. С. 28] — именно так писатель мог стать достойным представителем за народные нужды. Сибирские социалисты-почвенники прекрасно знали, что существование нации зависит от сохранения культуры не менее, чем от верного природопользования, и формирование областной школы изобразительного искусства и литературы смотрелось делом значительным и реальным.

Диагноз российской экономике и культуре, данный областниками, подтвердился: провинция, получив слишком большой инокультурный толчок, подвергается очень болезненной морфотропии (употребляю термин «морфотропия» вместо общепринятого, но тут не вполне адекватного шпенглеровского понятия «псевдоморфоз»).

Пристальное и ревнивое внимание провинциалов к судьбам своей малой родины — это и кровная заинтересованность в создании тех отношений, которые позволили бы не равняться на шкалу соподчинения и зависимости, выстроенную столицей, коль скоро задачи общероссийские не могут быть решаемы «лыготным островом, с другими материальными и культурными условиями, нежели остальная коренная Россия» [13. С. 21]. «Станет ли когда-нибудь наша страна цветущей, решительно зависит не от Москвы <...> а от провинции», — утверждает А.И. Солженицын [13. С. 18], далее, по сути, воспроизводя программу «Камско-Волжской газеты» 1873 г., представленную в статьях К.В. Лаврского, Я.И. Ядринцева, Потанина.

Повторение пройденного — процесс естественный, особенно когда известны истоки. Неопознанные же традиции могут дать знать о себе парадоксально. Например: сибирская литература обогатилась повестью В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»: культ малой родины, трудовой и природный лад острова-деревни и невосприимчивость прошлого, небрежение подлинным и настоящим, засилье чуждых людей, не умеющих понимать местные нужды, — этот идейный конфликт и ему соответствующие красноречивые частности абсолютно согласуются с критериями областнической литературы. Однако в публицистике В.Г. Распутин противопоставляет некие «общечеловеческие» проблемы и «какие-то узкие, областнические» [14], что свидетельствует об его непонимании либо областничества, либо того, «что в слове, что за словом»; здесь точнее был бы термин «областные».

Конъюнкцию слов «областной» и «областнический» надо иметь в виду, поскольку и по сейчас ими пользуются как взаимозаменяемыми, но между ними должно полагать разницу как между конкретно местным и идеологическим.

Ясные дефиниции позволяют избавиться и от ошибок, и от ненужных «открытий». Например: поскольку сибиряки высшее образование получали чаще всего в казанских высших учебных заведениях, возник соблазн перенести начало областнического движения туда, и аж в 1852 г., на семь лет раньше, опираясь на заметку А.Л. Захаренко о сибирском землячестве в Казани [15], М.В. Шиловский внес его в анналы областничества, причем nepозволительные натяжки вызвали оговорку, что в кружке сибиряки участвовали «в разное время...» [6. С. 263]. Так, Г.З. Елисеев перестал преподавать в Казанской духовной академии и уехал в Омск, когда И.А. Худякову было лишь одиннадцать лет и он еще не думал поступать в университет. Перечислим тех, кто упомянут около областников: ни братья Лосевы, ни братья Павлиновы, ни А.К. Шешуков, ни А. Красиков, ни Налетов, ни И.А. Худяков, ни даже А.П. Щапов областниками не были; Г.З. Елисеев вовсе был централистом; Д.Л. Кузнецов как редактор «Томских ведомостей», Н.Н. Булич и А.Х. Христофоров как

корреспонденты «Камско-Волжской газеты» и С.Я. Капустин как корреспондент «Восточного обозрения» сотрудничали с областниками по дружбе гораздо позже; у С.С. Шашкова короткое увлечение сепаратизмом возникло тоже не в Казани, а в Петербурге, и правоверным областником он так и не стал. Н.М. Павлинов доказывал, что «Сибири нужно только свое уложение, своя финансовая система, но что отделение Сибири поведет только ко вреду ей» [5. С. 176]. Между тем, областная финансовая система есть явный акт сепаратизма, а государственные бонны предполагают большее закрепощение, и, что бы ни крылось за двойственной фразой Н.М. Павлинова, его сторонникам, «надеявшимся только на постороннюю помощь из-за Урала и не верившим в возможность проявления собственного „я“»

[16], с областниками пришлось не по пути. В основном, студенты, переведшиеся из Казанского университета в С.-Петербургский, ничем как сибиряки себя не проявили: если в Казани они считались таковыми, то в столице обратились в казанцев – «у них слышались только казанские воспоминания» и «казанские студенческие песни», они мало чем интересовались [2. Т. 4. С. 292] и запомнились Потанину с Ядринцевым потреблением пива и игрой в карты. Зададимся вопросом: «А был ли мальчик?» Если бы природа областничества оказалась верно понятой, не было б и речи о казанском «кружке», даже не могшем иметь духовные скрепы и очень странно рассеянном во времени. Отрицательный результат – тоже хороший результат, если принят как отрицательный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томский обл. краеведческий музей. Оп. 14.
2. Литературное наследство Сибири. Т. 4–7. Новосибирск, 1979–1986.
3. Потанин Г.Н. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1914. 9 марта. № 51. С. 3.
4. Потанин Г.Н. Письма. Т. 1–5. Иркутск, 1987–1992.
5. Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.
6. Сибирское областничество. Биобиблиографический справочник. Томск, 2001.
7. Харусь О.А. Сибирское областничество. Биобиблиографический справочник // Вестник Том. гос. ун-та. 2003. Март. № 276. С. 212.
8. Пелих Г.Н. Потанин о роли общины в истории человечества // Вестн. Том. гос. ун-та. 1998. Т. 266. Январь. С. 23–27.
9. Потанин Г. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 196.
10. Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 32.
11. Головачев М.П. От общего к частному // Сибирские вопросы. 1921. № 1. С. 64.
12. <Потанин Г.Н.> Что такое физиономия? (Заметка о современных задачах этнографии) // Камско-Волжская газета. 1874. 11 января. № 5. С. 17.
13. Соложеницын А.И. Как нам обустроить Россию. Посетительные соображения. М., 1990.
14. Распутин Валентин. Что в слове, что за словом? Иркутск, 1987. С. 164.
15. Захаренко А.Т. Из истории сибирского землячества в Казанском университете. Вторая половина 1850-х гг. // Казанский университет. Сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Право. История. Кн. 1. Казань, 1968. С. 5–6.
16. Адрианов <А.В.> К биографии Г.Н. Потанина // Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. XIII.

Статья представлена кафедрой общего литературоведения Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 12 февраля 2004 г.

УДК 882-1/-9-4(5 71/5)

Г.Н. Потанин

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ И МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Публикация и комментарий К.В. Анисимова

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 03-04-00242 а Т

Публикуемая статья Г.Н. Потанина может рассматриваться сегодня как важный источник для понимания принципиальных особенностей областнического мировоззрения и рассматриваться в одном ряду с такими работами автора, как «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и «Нужды Сибири» (1908). Проблематика «Возрождения России...» связана с поднимавшимися в ключевых текстах областнической публицистики вопросами формирования региональной интеллигенции, ее культуры и самосознания.

Брошюра Г.Н. Потанина «Возрождение России и министерство народного просвещения», изданная в 1919 г. красноярским Союзом областников-автономистов, является малоизвестным трудом крупнейшего представителя сибирской интеллигенции. Написанная и напечатанная в период распада страны, хаотической смены властных группировок в Сибири, она оказалась исключена из научного оборота.

Републикация статьи представляет тем больший интерес, что поднимающиеся в ней вопросы связаны отнюдь не только со «злостью дня» 1918–1919 гг., ожидаемой от продолжающегося находиться в гуще социальной борьбы почти 85-летнего Потанина. Значительная часть работы посвящена «вечным» проблемам сибирской культурной жизни второй половины XIX – начала XX в.: реакции местного общества на политические инновации, приходящие из центра, роли региональной образовательной системы в создании и воспитании интеллектуального ресурса области и т.д. Кроме того, словно подводя итог многолетним размышлениям об областничестве, Потанин дает здесь сжатый, но предельно емкий по содержанию очерк «патриотического» самосознания, его психологических и биографических корней. Этот раздел не случайно помещен ав-

тором в самом начале работы – как ключ ко всем остальным ее темам.

Вероятнее всего, статья писалась в первой половине 1919 г., в преддверии обрушившихся на Потанина болезней: на это время указывает имеющаяся в тексте ссылка на выпуск омского «Правительственного вестника» от 26 декабря 1918 г. с интервью Г.К. Гинса, которого автор цитирует. Кроме того, именно в январе 1919 г. были выработаны устав и официальная программа красноярского Союза областников, зарегистрированные окружным судом 25 марта 1919 г. Руководимый Вл.М. Крутовским, красноярский Союз, в частности, «ставит своей задачей издавать газеты, выпускать листки, печатать брошюры, книги и др. <угие> печатные произведения...» [1. Л. 94–94 об.]. При этом связь красноярских областников с Потаниным установилась несколько раньше.

«Союз областников автономистов в Красноярске образовался в 1917 г., вскоре же после февральской революции», – писал Вл.М. Крутовский [2. № 1. С. 75]. Если быть точным, образовался Красноярский отдел Центрального Сибирского комитета, который после Сибирского областного съезда, состоявшегося в октябре 1917 г., был переименован в красноярский Союз областников.